

Новый палеолитический комплекс местонахождения Нириякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье)

© А.В. Тетенькин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье публикуются материалы нового палеолитического комплекса культурных остатков стоянки Нириякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье, Мамско-Чуйский район Иркутской области). Стоянка Нириякан I открыта Инешиним Е.М. в 1993 г. Были обнаружены культурные остатки и погребение эпохи раннего железного века. В ходе проведения спасательных работ на памятнике в 2020 году был открыт комплекс палеолитических культурных остатков, получивший обозначение как 2 культурный горизонт. Коллекция составила 576 единиц находок, преимущественно из метаморфизованного сланца. 13 % составили артефакты из кварца. Первоначальные планиграфические и стратиграфические позиции утрачены, однако концентрация каменных артефактов и жженой кости (47 % всей коллекции), по видимому, изначально была скоплением у кострища. В коллекцию входят нуклеусы радиального, леваллуазского принципа расщепления, простейшего поперечного расщепления, торцовые мелкопластинчатые. Среди изделий скребки, отщепы с ретушью, скребло, трансверсальный резец. Полученная радиоуглеродная дата дает календарный возраст 13455–13226 л. н. Основными объектами для корреляций выступают 1–2 сводные культурные горизонты Курлы I–III (Северный Байкал) и 3А–9 культурные горизонты Большого Якоря I (Нижний Витим). Значение открытия финальнопалеолитического комплекса местонахождения Нириякан I состоит в том, что впервые в долине р. Мама получен статистически многочисленный, типологически представительный и хронологически определенный комплекс артефактов эпохи каменного века. Важное значение открытия финального палеолита на Нириякане состоит также в том, что он указывает на обитание людьми среднего течения р. Мама и внутренних районов Байкальской части Байкало-Патомского нагорья в перигляциальных условиях длящейся еще финальной стадии последнего оледенения.

Ключевые слова: финальный палеолит, трансверсальный резец, расщепление камня, радиоуглеродное датирование, р. Мама, стоянка Нириякан I, Байкало-Патомское нагорье, Северное Прибайкалье, сартанское оледенение, финальный плейстоцен

Благодарности: Исследование осуществлено при поддержке грантов РФФИ, проекты № 18-59-2203, № 21-59-93002, и РНФ, проект № 19-78-10084. Автор выражает благодарность сотрудникам экспедиции А.Ю. Исаеву, И.А. Уланову, П.А. Данилову.

Для цитирования: Тетенькин А.В. Новый палеолитический комплекс местонахождения Нириякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 9–21. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-9-21>

New Paleolithic component of the Niryakan I site on Mama River (Baikal-Patom Upland)

© Aleksey V. Tetenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article publishes materials of a new Paleolithic component of cultural remains of the Niryakan I site on the River Mama (Baikal-Patoms Upland, Mamsko-Chuisky District of Irkutskaya Oblast'). The Niryakan I site was discovered by E.M. Ineshin. in 1993, cultural remains and a burial from the early Iron Age were discovered. During the rescue operations at the site in 2020, a new component of Paleolithic cultural remains was discovered, which was designated as the 2nd cultural horizon. The collection consisted of 576 items of findings, mainly from metamorphosed shale. 13 % were quartz artifacts. The original planigraphic and stratigraphic positions have been lost, however, the concentration of stone artifacts and burnt bone (47 % of the

entire collection), apparently, was originally a concretion at the fireplace. The collection includes cores of the radial, Levallois principle of splitting, the simplest transverse splitting, terminal small-blade cores. Among the artifacts are end-scrapers, re-touched flakes, a side-scrapers, and a transverse burin. The obtained radiocarbon date gives a calendar age of 13455–13226 BP. The main objects for correlations are 1–2 united cultural horizons of Kurla I – III (Northern Baikal) and 3A – 9 cultural horizons of Bolshoi Yakor I (Lower Vitim). The significance of the discovery of the Final Paleolithic assemblage of the Niryakan I site is that for the first time in the valley of the River Mama this is the site having a statistically large, typologically representative and chronologically defined assemblage of artifacts from the Stone Age. The great importance of the discovery of the Final Paleolithic Niryakan site is also the fact that it indicates that people lived in the middle reaches of the River Mama and the inner regions of the Baikal part of the Baikal-Patom Upland in periglacial conditions of the final stage of the still ongoing last glaciation.

Keywords: Final Paleolithic, transversal burin, stone splitting, radiocarbon dating, River Mama, Niryakan I site, Baikal-Patom Upland, Northern Baikal region, Sartan glaciation, final Pleistocene

Acknowledgements: The study was carried out with the support of grants from the Russian Foundation for Basic Research, projects No. 18-59-2203, No. 21-59-93002, and the Russian Science Foundation, project No. 19-78-10084. The author expresses his gratitude to the expedition staff A.Yu. Isaev, I.A. Ulanov, P.A. Danilov.

For citation: Tetenkin A.V. (2021) New Paleolithic component of the Niryakan I site on Mama River (Baikal-Patom Upland). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 9–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-9-21>

Введение

Летом 2020 года Витимским отрядом им. В.М. Ветрова Иркутского национального исследовательского технического университета был открыт и исследован палеолитический комплекс на местонахождении Нирьякан I на р. Мама. Предшествовавшая этому открытию история археологического изучения долины р. Мама насчитывает почти 40 лет. Мама является крупнейшим притоком Витима в нижнем его течении. Она имеет протяженность около 400 км, течет с юго-запада на северо-восток в пределах Байкальской части Байкало-Патомского нагорья. Первые раскопки под руководством Е.В. Меньшагина (ИГУ) стоянки Озеро Гусиное (р. Конкудера, приток р. Мамы) состоялись еще в 1982 году (Инешин, Тетенькин, 2010. С. 14). В 1990 – начале 2000-х годов ряд разведок предпринял Е.М. Инешин (ИГУ, затем ИРНТУ), что привело к открытиям местонахождений каменного века Мукадек II, Монюкан, Теса, Чукча, Молукчан (Инешин, Тетенькин, 2000; Аксенов и др., 2000). Однако общей чертой их изученности является отсутствие радиоуглеродных датировок, типологически выразительных коллекций артефактов, малочисленность или вовсе единичность находок. Таким образом, до сих пор сведения о каменном веке в долине р. Мама носят провизорный характер. Пожалуй, на р. Мама, как и на многих обширных сибирских

районах, лежит печать удаленности, отсутствия дорог, необходимости, затрудняющая попадание туда археологов.

Тем не менее р. Мама интересна в витимском археологическом дискурсе перспективами изучения освоения людьми в позднем плейстоцене – голоцене горных, внутренних территорий Байкало-Патомского нагорья, в глубь от основной артерии, реки Витим. Появление на Маме первого археологического объекта, обеспеченного и выразительной коллекцией, и радиоуглеродной хронологией, в этой связи является существенным шагом развития.

Общие сведения, стратиграфия

Местонахождение Нирьякан I (рис. 1) расположено в среднем течении реки Мама в межгорной котловине, в районе устья р. Нирьякан, правого притока р. Мама. Левый борт котловины Мамы здесь высокий и крутой, прижимистый. Правый борт котловины примыкает к водоразделу Мамы и Большой Конкудеры. Правый борт котловины хорошо террасирован. Выделяется высокая пойма высотой 3–5 метров с заболоченной поверхностью позднеголоценового времени. Затем 6–8-метровая терраса фиксируется в устье руч. Нирьякан и Грамдани. Основное тело террасы сложено ритмично-слоистыми песками аллювиального генезиса. Сле-

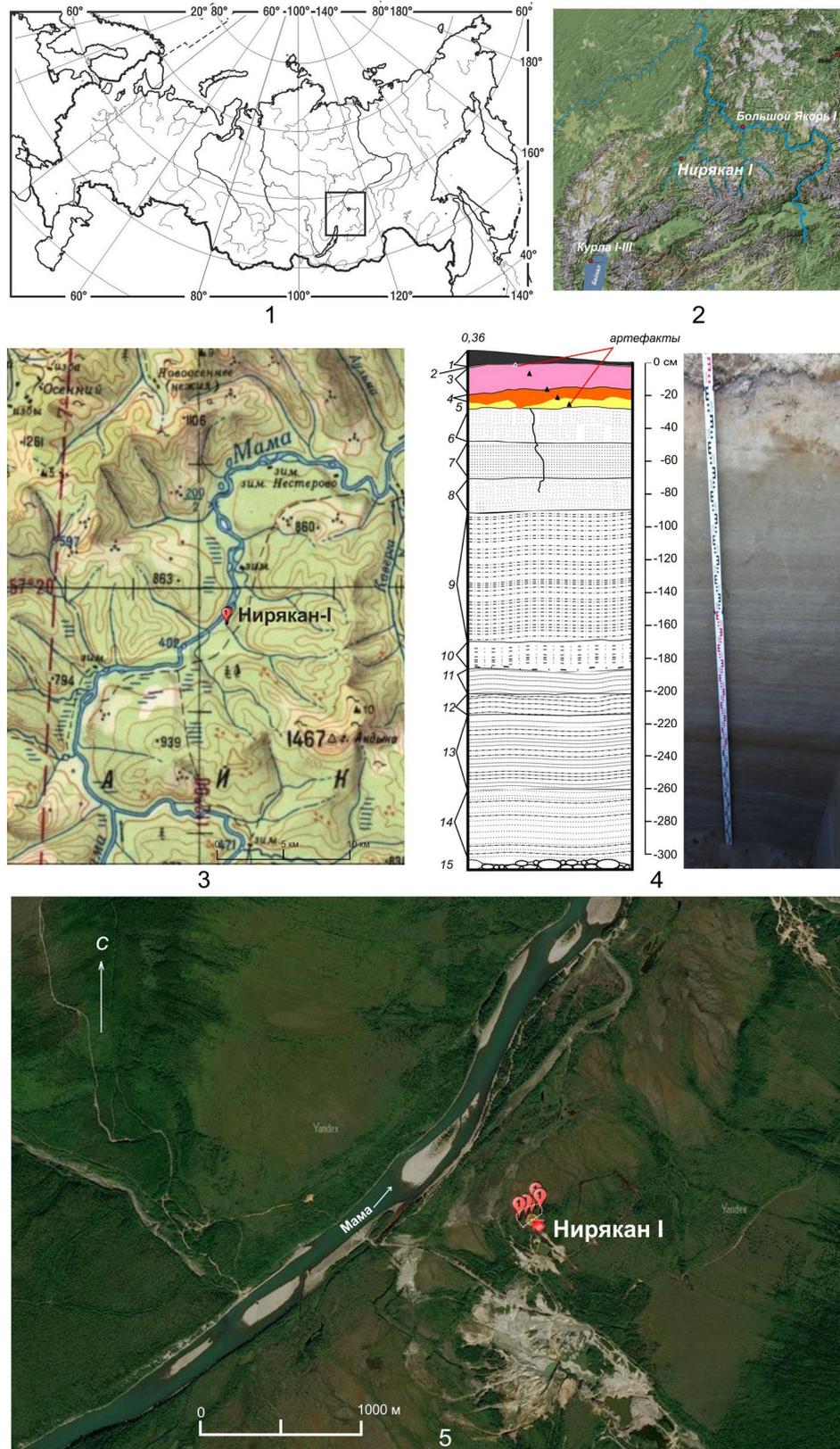

Рис. 1. Карты-схемы и стратиграфия археологического местонахождения Нирьякан I: 1–3, 5 – карты-схемы локализации археологического местонахождения Нирьякан I; 4 – стратиграфия
Fig. 1. Schematic maps and stratigraphy of the archaeological site Niryakan I: 1–3, 5 – schematic maps of the localization of the archaeological site Niryakan I; 4 – stratigraphy

дующая терраса, на которой расположено местонахождение Нирьякан I, имеет относительную высоту 25–26 м над урезом р. Мама. Терраса примыкает к террасовидному геоморфологическому телу с 40-метровыми отметками.

Участок террасы, на котором выявлен Нирьякан I, является правым, когда-то приустьевым при впадении руч. Нирьякан в р. Мама, ныне отстоящим на 0,57 км от берега Мама. Непосредственно, территория местонахождения Нирьякан I с юго-запада и северо-востока, т. е. по мамскому фронту простирается длиной около 130 м, ограничена ложками, прорезающими террасу поперек и формирующими слабые перегибы.

Памятник был открыт Е.М. Инешиним (Иркутский государственный университет) в 1993 г. как стоянка с погребением эпохи раннего железного века (Инешин, 1995). В 2020 г. в ходе проведения спасательных работ А.В. Тетенькиным на Нирьякане I был выявлен верхнепалеолитический комплекс культурных остатков – 2-й культурный горизонт.

Общая площадь раскопа с палеолитическими остатками (раскоп 2) составила 173 кв. м. В задаче изучения стратиграфии местонахождения был задокументирован поперечный профиль – юго-западная стенка раскопа длиной 19 м. В составе этого разреза заложен стратиграфический шурф глубиной 3 м. Шурф пробит на всю мощность песчаных отложений до галечника. Шурфом выявлена следующая стратиграфия (рис. 1.4):

1. Современный почвенно-растительный горизонт, местами разрушенный техногенной деятельностью. Мощность – 0,05–0,25 м.

2. Слой подзола, подстилающий дерн, проникающий в глубь по корням растений, в результате выворотов упавших деревьев, различных пертурбаций. Мощность – 0,01–0,25 м.

3. Супесь бледно-розовая – палевая, местами светло-красная, пирогенная, насыщенная корнями и углефицированными кусочками деревьев, с включениями дресвы и песчаных линз, пертурбированная почвенными процессами, жизнедеятельностью лесной растительности. Мощность – 0,02–0,30 м.

4. Супесь светло-оранжевая, неслоистая, пертурбированная почвенными процессами, жизнедеятельностью лесной растительности, насыщенная корнями деревьев, с включениями дресвы и песка. Края кровли и подошвы рваные, прерываемые слоями 2 и 3. Мощность – 0,02–0,40 м. Из подошвы заложены криогенные трещины.

5. Песок светло-желтый, мелкозернистый, с включениями дресвы, неслоистый. Края кровли и подошвы рваные, слой прерываем вышележащими слоями. Мощность – 0,01–0,12 м.

6. Песок зеленовато-серый, неслоистый, мелкозернистый. Мощность – 0,10–0,25 м.

7. Пески светло-серые, тонко- и горизонтально-слоистые, мелкозернистые. Мощность – 0,20–0,25 м.

8. Песок зеленовато-серый, неслоистый, мелкозернистый. Цветность слегка темнее, чем у слоя 6. Мощность 0,20–0,24 м.

9. Пески светло-серые, горизонтально- и ритмично-слоистые, мелкозернистые. Мощность – 1,20–1,30 м.

10. Пески белесоватые, ритмично-слоистые, тонкозернистые. Мощность – 0,14–0,16 м.

11. Песок светло-желтый, ожелезненный, тонкозернистый. Мощность – 0,12–0,16 м.

12. Песок сизовато-серый, тонокзернистый, неяснослоистый. Мощность – 0,08–0,12 м.

13. Пески чередующиеся, темновато-серые и сизовато-серые, тонкослойчатые, тонкозернистые. Мощность – 0,44–0,48 м.

14. Пески светло-серые с тонкими сизосерыми слоями. Мощность – 0,40–0,45 м.

15. Галечник слабоокатанный, в заполнении темно-серый песок. Порода камней – метаморфизированные сланцы, кварц.

Пачка отложений слоев 7–15 имеет аллювиальный генезис и представляет собой нормальную последовательность «галечник в подошве – пачка песков». Слои 5 и 6 – контактные, формировавшиеся в результате смены аллювиального режима осадконакопления на субаэральный, преимущественно эоловый. Имела место эоловая денудация (перевеивание) речных песков. Процесс субаэрального осадконакопления, очевидно, имел

сложный характер. Режим осадконакопления, по видимому, сменялся денудацией. В результате почвообразования, пирогенеза и различной степени аэрации в пачке слоев 5–6, верхний слой 5 окрашен в светло-желтый цвет, контакт между слоями 5 и 6 нечеткий. В истории формирования мало мощного, в среднем до 0,5 м мощности, покровного субаэрального чехла были многократные пертурбации отложений, обусловленные лесными пожарами, выворотами упавших деревьев, корневой деятельностью. В новейшее время верхняя часть покровных отложений была нарушена во многих местах наблюдения маневрами бульдозерной – вездеходной тяжелой техники и вырубкой леса.

Из нижней части субаэральных отложений (слои 4–5) заложены криогенные трещины, шириной до 0,20 м в устье. Отмечено втягивание артефактов в эти трещины. На внешнем склоне террасы в шурфе выявлено стратиграфическое несогласие – блок отседания.

Артефакты, отнесенные к 1-му культурному горизонту, залежали в подошве дерна, подзоле и в отложениях слоев 3 и 4 (бледно-розовой и светло-оранжевой супесях). Они представлены фрагментами шнуровой и гладкостенной керамики, железными шлаками, гальками и галечными сколами, фрагментами костей.

Залегание 2-го культурного горизонта

Артефакты палеолитического, 2-го культурного горизонта фиксировались по всей мощности субаэральной пачки (слои 2–5) – в подпочвенном слое подзола, в светло-палево-розоватой супеси, в оранжево-желтой супеси, в светло-желтом песке в подошве субаэральной пачки, в трещине, на глубине 0,05–0,44 м от дневной поверхности, и имеют природу вторичного, переотложенного залегания шлейфом, судя по планиграфическому рисунку, простираемым с юго-востока на северо-запад. Установлено расстояние от нуклеуса до сбитого с него отщепа 7,7 м простираемым с юго-востока на северо-запад. Зафиксированы два скопления артефактов количеством 415 (74 % всей коллекции) и 57 единиц. На их периферии, на остальной площади раскопов плотность находок низкая – в среднем

менее 1 ед. на кв. м. Пятно наивысшей концентрации было около 2,0 × 0,90 м. Здесь скопление артефактов имело максимальный разнос по вертикали 47 см, артефакты нижних уровней были затянута в трещину. По общему темно-коричневому окрасу вмещающей супеси и встреченным фрагментам жженных костей можно предположить, что было кострище. По образцу карбонизированной кости получена дата 11450±60 л. н. (Poz-131670). Календарный возраст – 13455–13226 л. н.¹

Найденные фрагменты костей различаются в своей сохранности. Кости из 1-го культурного горизонта имеют относительно удовлетворительную сохранность. Во 2-м культурном горизонте сохранность костей плохая. В одном случае фрагмент кости имеет сохранность в виде органического седимента желтого цвета. Отправленный в Радиоуглеродную лабораторию Познанского университета (Польша), этот образец показал отсутствие в нем коллагена. В основном скоплении культурных остатков найдены фрагменты жженных костей, сохранившиеся благодаря карбонизации неплохо.

Материалы 2-го культурного горизонта

Ко 2-му культурному горизонту отнесены 576 единиц находок. В том числе: отщепы 540 ед. (из них 235 ед. – чешуйки), пластины – 9 ед., нуклеусы – 7 ед., битые отдельные – 8 ед., орудия – 10 ед., гальки – 2 ед. 82 % артефактов из метаморфизированных сланцев, 13 % – из кварца. Определяющим общим облик ассамбляжа каменных артефактов обстоятельством стало низкое качество каменного сырья. Оно обусловило применение ударного расщепления нуклеусов радиального и субпараллельного принципа. Основным продуктом каменного производства – отщеп случайной конфигурации.

Нуклеусов – 7 предметов. Два нуклеуса радиального принципа расщепления. Один из них верный дисковидный, овальной формы (рис. 2.1). Длина – 12,2 см, ширина – 10,3 см, толщина – 5,3 см. Нуклеус имеет два фронта фаса. Один фас

¹ Приведенный здесь и далее календарный возраст получен с помощью программы OxCal v4.4 (Bronk Ramsey, 2021) и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al., 2020).

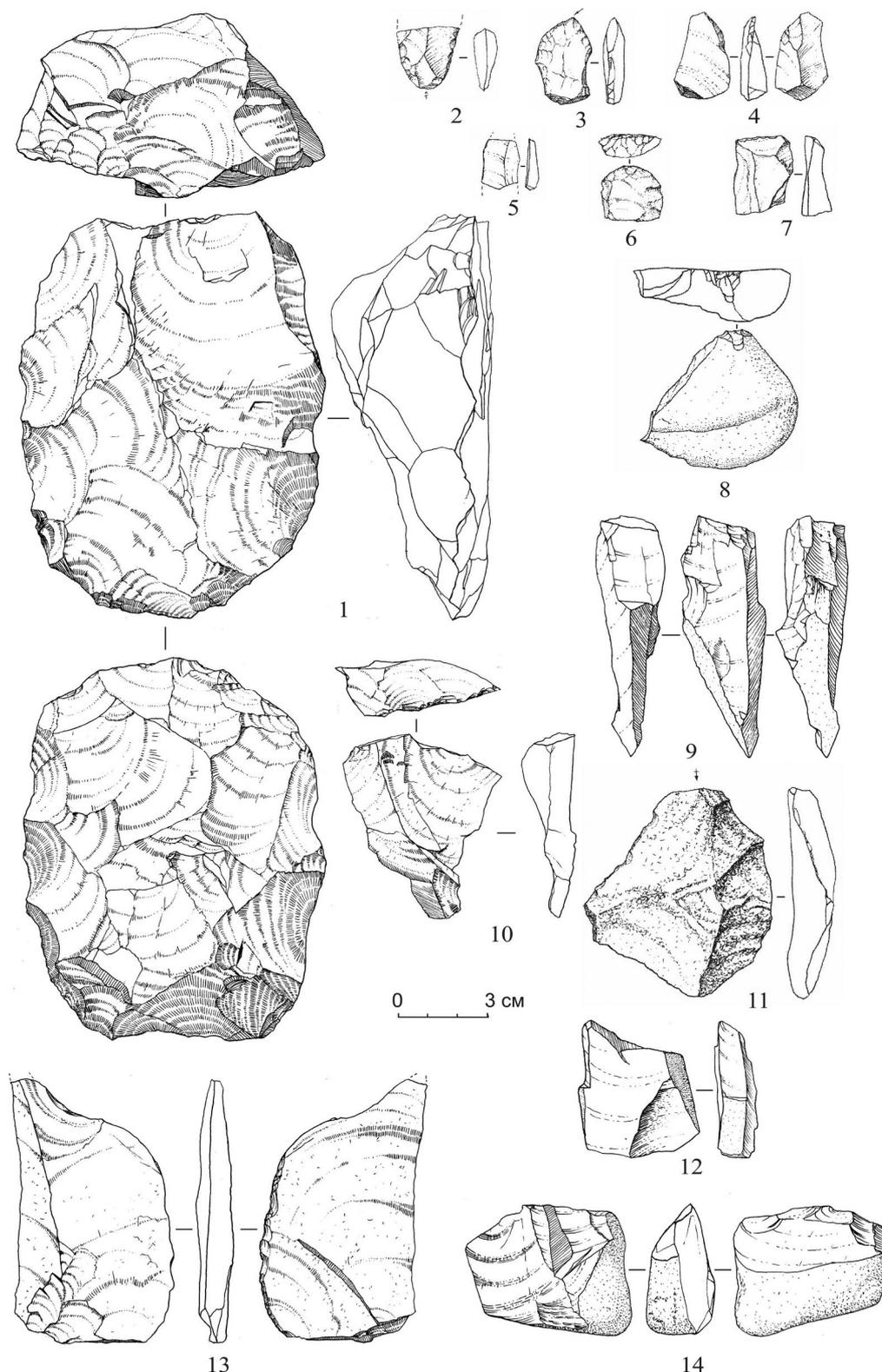

Рис. 2. Археологическое местонахождение Нирьякан I. Культурный горизонт 2: 1, 9, 12, 14 – нуклеусы; 2, 4, 7, 10, 11 – отщепы с ретушью; 3 – трансверсальный резец; 5 – фрагмент пластинки; 6, 8 – скребки; 13 – комбинированное орудие (остроконечник, скребло, нож?); 6, 8 – кварц; остальные – метаморфизированные породы

Fig. 2. Archaeological site Niryakan I. Cultural horizon 2: 1, 9, 12, 14 – cores; 2, 4, 7, 10, 11 – retouched flakes; 3 – transversal burin; 5 – blade fragment; 6, 8 – end-scrapers; 13 – combined tool (point, scraper, knife?); 6, 8 – quartz; the rest – metamorphosed rocks

плоский. Он оббит по всему периметру центроостремительными снятиями. Боковые негативы короткие и широкие. Как минимум, негатив одного удлиненного снятия направлен с одного узкого конца. Ударная площадка для этого снятия оформлена по другому фасу короткими широкими сколами с ребра. Обследование периметра ребра нуклеуса показывает, что последние сколы были по этому, первому фасу – короткие поперечные и один большой продольный. В совокупности это указывает на леваллуазский принцип расщепления, т. е. подготовку фронта радиальными снятиями под скалывание одного целевого отщепы (Гладилин, 1989). В коллекции есть скол подтреугольной формы, снятый с этой же площадки, по этому же фронту, но принадлежащий более раннему циклу подготовки снятия и скалывания (рис. 2.10). Дистальная дуга окончания этого фаса обработана мелкими короткими снятиями и является, в свою очередь, фасетированной ударной площадкой для снятий с противоположного фаса – второго фронта. Негативы этих снятий удлиненные, конвергентные в дистальном окончании (радиальные). Этот фронт можно охарактеризовать как веерный.

Второй радиальный нуклеус в остаточном виде имеет удлиненную форму. Контрфронт галечный, площадка оформлена только по краю ударного ребра. Снятия по всему периметру – центроостремительные.

Еще с двух нуклеусов снятия коротких отщепов производились ударами поперек продолговатой формы. В одном случае это была уплощенная подчетыреугольная галька метаморфизированного сланца (рис. 2.14). Поперечным ударом получен скол, подправлен с краю мелкими снятиями, и с него уже как с ударной площадки произведены два отщеповых снятия. Второй нуклеус из кварца можно охарактеризовать как ситуативный, со снятиями на разных гранях продольными и поперечными. С параметрами этого нуклеуса соразмерна двухгранная пластина из кварца длиной 6,9 см.

Три нуклеуса следующей группы могут быть охарактеризованы как торцовые или нуклеусы-резцы на узких, высоких отдельностях породы (рис. 2.12). Снятия с торца предопределяли форму

– параллельную огранку пластинчатого снятия. Найден один такой сегмент пластинки с мелкими амортизационными следами на продольном крае (рис. 2.5).

Наиболее выдающимся орудием является изделие из пластины (рис. 2.13). Оно имеет длину 9,0 см, ширину 5,0 см. Один продольный край имеет слабовогнутое тонкое ребро. Другой продольный край слабовыпуклый, обработан крутой краевой ретушью. Дистальный край ретушью скошен, слабой выемкой выделен шип, обломанный на конце. На проксимальном окончании вентральный фас подтесан. В сумме изделие представляет, вероятно, комбинированное орудие – остроконечник + нож + скребло (?).

Наиболее многочисленная орудийная форма – скребки. Два скребка из кварца. Один из короткого отщепы (рис. 2.6), другой из расколотой повдоль гальки (рис. 2.8) имеют округлое скребковое лезвие, в первом случае, занимающее более половины периметра (и скребок ногтевидный), во втором случае скругляющее угол скола, другой его угол, дооформленный резцевидным коротким торцовым сколом, имеет шиповидное окончание.

Два скребка, или скорее, отщепы с ретушью имеют мелкую краевую ретушь на проксимальном и на дистальном конце (рис. 2.7). Один отщеп с ретушью, или скребок имеет краевую ретушь по вентральному фасу в дистальном окончании отщепы (рис. 2.4).

Другое изделие представляет собой почти симметричный двухгранный проксимальный сегмент пластинчатого снятия (длина сегмента – 2,1 см, ширина – 1,8 см) с тщательной мелкой краевой ретушью по обоим краям и, скорее, является базальной частью какого-то орудия (остроконечник, резец?) (рис. 2.2; 3.1).

Крупные удачные отщепы имеют подтреугольную, пластинчатую с субпараллельной огранкой форму и форму отщепов, снятых с нуклеусов леваллуа или дисковидных, т. е. с радиальной огранкой (рис. 2.11). Один из подтреугольных отщепов имеет мелкую вторичную подработку в виде крутой ретуши на рудименте ударной площадки, нанесенной с ударного ребра и оформляющей

Рис. 3. Фото изделий из 2-го культурного горизонта местонахождения Нирьякан I: 1 – проксимальный сегмент пластинчатого снятия с краевой ретушью по обоим краям (рис. 2.2); 2 – трансверсальный резец, дорсальный и вентральный фас (рис. 2.3)

Fig.3. Photo of the artifacts from archaeological site Nirryakan I. Cultural horizon 2: 1 – proximal segment of the blade-like flake with the marginal retouch on both long sides (fig. 2.2); 2 – transversal burin, the dorsal and ventral faces (fig. 2.3)

край скребка, заканчивающийся на одном конце шипом (рис. 2.10). Другой отщеп несет следы мелкой краевой нерегулярной ретуши по одному из краев (рис. 2.11).

Еще один обломок с ретушированным краем напоминает, скорее, тесловидное лезвие: мелкая крутая короткая ретушь нанесена с необработанного галечного края.

Среди орудий наиболее диагностичным является трансверсальный резец (рис. 2.3; 3.2). Тело резца оформлено крутой краевой ретушью. Резцовый скол нанесен с правого края на левый.

Типологическая характеристика индустрии 2-го культурного горизонта

Единообразие сырья, единый шлейф находок не дают достаточного основания предполагать смешанный характер 2-го культурного горизонта как состоящий из ранне- и финально-верхнепалеолитического компонентов.

Несомненно, низкое качество каменного сырья (метаморфизованные сланцы) наложило отпечаток на технико-морфологический облик всего ассамбляжа. Часть нуклеусов ситуативна, есть про-

стейший прием поперечного расщепления удлиненных форм (рис. 2.14). Технологически наиболее сложный нуклеус демонстрирует леваллуазский цикл подготовки фронта к снятию отщепа, радикальный принцип расщепления, фасетированные площадки под контролируемое ударное скалывание (рис. 2.1). Скребки, ретушированные отщепы, скребловидное орудие дают примеры орудийного употребления продуктов этого каменного производства.

Еще одна группа нуклеусов с торцовым снятием с удлиненных высоких форм, очевидно, позволяла получать узкие параллельно ограниченные пластинчатые снятия (рис. 2.9,12). Можно предположить, что в условиях отсутствия качественного сырья для производства микропластин расщепление таких торцовых нуклеусов способно было дать пластинку-вкладыш (рис. 2.5) для оснастки вкладышевого охотничьего оружия, о существовании которого мы знаем по материалам Курлы I–III и Большого Якоря I (Шмыгун, Филиппов, 1982. Рис. 1.6; Medvedev, 1998. Fig. 127.17; Инешин, Тетенькин, 2010. Рис. 6.43; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019. Рис. 14.1, 14.3).

В совокупности это расщепление по технико-морфологическим признакам могло бы быть оценено как среднепалеолитическое или ранневерхнепалеолитическое. Аналоги ему без труда мы находим в описании индустрий этих эпох юга Сибири (Медведев, Алаев, Сокальский, 1978; Аксенов и др., 1987; Стратиграфия, палеогеография и археология юга..., 1990; Аксенов, 2009; Рыбин, 2020²). Однако здесь кардинальную поправку на возраст дает трансверсальный резец (рис. 2.3). Как уже отмечалось, в Северном Прибайкалье эта форма является «руководящей» для памятников финального палеолита / финального сартана. Резец аналогичен трансверсальным резцам палеолитических горизонтов Большого Якоря I на Витиме (Инешин, Тетенькин, 2010. С. 216–219), 1 и 2 сводных донеолитических горизонтов Курлы I–III на Северном Байкале (Шмыгун, Ендрихинский, 1978. Рис. 3.4–8; Шмыгун, 1981. Рис. 2.2,3; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019), 8, 7 культурных горизонтов Усть-Каренги I–XVI на Витиме (Ветров, 1995. С. 32–33; Ветров, 2011. С. 175). Несколько отличные, но в целом подобные трансверсальные резцы есть во 2 к. г. стоянки Коврижка III на Витиме (Тетенькин, 2016. Рис. 16.21–24). Возраст существования этих стоянок – около 13–11 тыс. радиоуглеродн. л. н. / 16–13 тыс. календарн. л. н.

Значение нового палеолитического комплекса Нирьякан I в археологии Северного Прибайкалья

В данном свете каменное производство на Нирьякане I имеет пережиточный облик и является примером использования архаичных технологических традиций адекватных низкому качеству доступных здесь пород камня. Несмотря на архаичный облик каменной индустрии, обусловленный низким качеством сырья, самые типологически выразительные формы – трансверсальный резец, округлый скребок и бифас-нуклеус (рис. 2.1,3,6), коррелируют именно со стадияльно и территориально близкими, опорными финальнопалеолитическими

комплексами Курлы I–III (1 и 2 сводн. донеол. к. г.) и Большого Якоря I. Кроме них Большой Якорь I также имеет в своем составе нуклеусы радиального принципа расщепления (Инешин, Тетенькин, 2010. Рис. 6.28.1, 6.29.5,7). Производство отщепов как бланка для орудий составляет здесь одну из основных технологических адаптационных линий. В 1-м сводном донеолитическом к. г. Курлы I–III «отщеповая индустрия» представлена низкофронтальными объемными подпризматическими нуклеусами и разнообразными изделиями из отщепов, морфологически устойчивыми из которых являются как раз трансверсальные резцы, скребки и скребла (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019. Рис. 4, 8.4, 8.5, 11, 12). О культурно-типологической близости комплексов 1–2 сводных донеолитических культурных горизонтов Курлы I–III и 3А–9 культурных горизонтов Большого Якоря I в рамках дюктайской и верхоленской общности писали и Г.Н. Молчанов с соавторами, публиковавшие материалы 1 к. г. Курлы I–III (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019. С. 31–33). Действительно, в 1–2 сводных донеолитических культурных горизонтах Курлы I–III и 3А–9 культурных горизонтах Большого Якоря I юбецойдные клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы, скребки являются ведущими типами. Помимо них показательно совпадение в бифасах, группе скребел, в том числе с полной фасиальной обработкой, и в группе костяных орудий. И на Большом Якоре I, и на Курле I–III есть однотипные гарпуны, тупоконечные наконечники, пазовые обоймы-наконечники, иглы, колотушки. Судя по дате 2-го сводного донеолитического культурного горизонта Курлы I–III около 13,2 тыс. рад. л. н. / 15,8 тыс. кал. л. н., последние (1 и 2 сводн. донеол. к. г.) несколько древнее стоянок 3А–9 к. г. Большого Якоря I (около 15,1–13,6 тыс. кал. л. н.). Выявление территориально промежуточного между районами Курлы и Большого Якоря комплекса с одним из маркерных типов, трансверсальным резцом, важно, как аргумент в пользу единого культурного ареала, или культурной трансляции, связывающей в финальном сартане в Северном Прибайкалье районы Нижнего Витима и Северного Байкала. В роли тако-

² Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: автореф. дис. ... док. ист. наук. Новосибирск, 2020. 46 с.

го связующего звена предстаёт финальнопалеолитический комплекс стоянки Нирыкан I в среднем течении р. Мама, датированный около 13,32 тыс. л. н. Нирыкан I удален от Большого Якоря I и Коврижки III (3 и 2 к.г., около 13,2–12,8 тыс. л. н.) на 127–130 км по прямой на юго-запад, и от Курлы I–III – на 245 км на северо-восток. То есть территориально Нирыкан I занимает промежуточное положение между обоими археологическими районами Нижнего Витима и Северного Байкала (рис. 1.2). Впрочем, с Большим Якорем I и Коврижкой III Нирыкан I связан единой речной сетью, а от Курлы I–III отделен водоразделами Верхнеангарского хребта.

Новый археологический комплекс Нирыкан I, датированный временем Бёллинг-Аллерёд, около 13,3 тыс. л. н. стоит осмыслить в контексте освоения древними людьми территорий внутренней части Байкальского (Байкало-Патомского) нагорья в конце ледниковой эпохи. В нижнем – среднем течении рек Конкудера, Теса, Нирыкан, правых притоков р. Мама, опознаны и картированы следы оледенения (Margold, Jansson, 2011). Ко времени около 16 тыс. л. н. относятся датированные М. Марголдом и соавторами конечные морены в системе р. Амалык, правого притока р. Витим, показывающие присутствие ледников в горных районах нагорья во второй половине MIS 2 (Сартанского оледенения) (Margold et al., 2016. P. 170). Исследования Е.В. Безруковой и соавторов в районе оз. Большое Иняптукское, расположенного в высокогорной части Байкальского нагорья, коррелированные с результатами изучения оз. Котокель, Баунт, Арахлей, и др., позволили выделить общий

тренд ландшафтно-климатических изменений (Безрукова и др., 2012). Послеледниковое потепление в районе оз. Байкал наступило около 11–10 тыс. л. н. (Безрукова и др., 2012. С. 7–8). Однако в высокогорных районах в это время сохраняются условия влажной, холодной кустарниковой тундры с еловыми редколесьями на многолетнемерзлых грунтах. Запоздывание в развитии растительности относительно побережья оз. Байкал составляло 2–1,5 тыс. лет (Безрукова и др., 2012. С. 10). Появление людей в среднем течении р. Мама, на удалении порядка 130 км вверх по течению от устья и от Витима свидетельствует об обживании этих внутренних территорий нагорья, приближенных к окраинам горно-долинных ледников на расстояния порядка первой сотни километров.

Заключение

Значение открытия финальнопалеолитического комплекса местонахождения Нирыкан I состоит в том, что впервые в долине р. Мама получен статистически многочисленный, типологически представительный и хронологически определенный комплекс артефактов эпохи каменного века. Все предыдущие открытия на местонахождениях Мукадек II, Монюкан, Усть-Чукча в долине р. Мама до сих пор имеют провизорный характер. Важное значение открытия финального палеолита на Нирыкане состоит еще и в том, что он указывает на обитание людьми среднего течения р. Мама и в ее лице внутренних районов Байкальской части Байкало-Патомского нагорья в перигляциальных условиях длящейся еще финальной стадии оледенения.

Библиографический список

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2009. 370 с.

Аксенов М.П., Бердников М.А., Медведев Г.И., Пержаков С.Н., Федоренко А.Б. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря «макаровского палеолитического пласта» // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии: тезисы доклада к региональной конференции. Иркутск, 1987. С. 26–30.

References

Aksenov M.P. (2009) Paleolithic and Mesolithic of Upper Lena. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 370 p. (In Russ.)

Aksenov M.P., Berdnikov M.A., Medvedev G.I., Perzhakov S.N., Fedorenko A.B (1987) Morphology and archaeological age of stone tools of the "Makarov Paleolithic stratum". *Problemy antropologii i arkheologii kamennogo veka Evrazii: tezisy doklada k regional'noi konferentsii = Problems of Archaeology and Anthropology of the Stone Age of Eurasia: Proceedings of the Regional Conference*. Irkutsk. P. 26–30. (In Russ.)

Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2000. Вып. 2. Ч. 1. С. 4–35.

Безрукова Е.В., Андерсон Д.Дж., Виньковская О.П., Харинский А.В., Кулагина Н.В. Изменение растительности и климата в котловине озера Большое Иняптукское (Северо-Байкальское нагорье) в голоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 2–11.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: Усть-каренгская культура (13000–5000 л. н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сборник научных статей. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 173–187.

Ветров В.М. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 30–45.

Гладилин В.Н. Что же такое «техника леваллуа»? // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев: Наукова думка, 1989. С. 30–45.

Инешин Е.М. Некоторые аспекты создания модели деятельности человека в плейстоцене в горно-таежной зоне (Байкало-Патомское нагорье, нижнее течение р. Витим) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 187–189.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. К проблематике геоархеологических исследований Байкало-Патомского нагорья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. IV. С. 141–147.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

Медведев Г.И., Алаев С.Н., Сокальский А.А. О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах Южного Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978. Вып. 4. С. 5–30.

Aksenov M.P., Vetrov V.M., Ineshin E.M., Tetenkin A.V. (2000) History and some results of archaeological research in the Vitim River basin (Vitim Plateau and Baikal-Patom Plateau). *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikalian Siberia in the Past*. Irkutsk: Irkutsk Pedagogical University. Iss. 2. Part 1. P. 4–35. (In Russ.)

Bezrukova E.V., Anderson D.Dzh., Vin'kovskaya O.P., Kharinskii A.V., Kulagina N.V. (2012) Changes in vegetation and climate in the basin of Lake Bolshoye Inyaptukskoe (North Baikal Upland) in the Holocene. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. No. 3 (51). P. 2–11. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2011) Archaeology of the Vitim plateau: Ust-Karengskaya Culture (13000 – 5000 years ago). *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: sbornik nauchnykh statei = Actual problems of archeology of Siberia and the Far East: collection of scientific works*. Ussuriisk: Ussuriisk State Pedagogical Institute Publishing House. P. 173–187. (In Russ.)

Vetrov V.M. (1995) The burins and cores of the Ust'-Karenga Archaeological Culture. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikalian Siberia in the Past*. Irkutsk. P. 30–45. (In Russ.)

Gladilin V.N. (1989) What is the "Levallois technique"? *Kamennyi vek: pamyatniki, metodika, problem = Stone Age: sites, methods, problems*. Kiev: Naukova dumka. P. 30–45. (In Russ.)

Ineshin E.M. (1995) Some aspects of the creation of a model of human activity in the Pleistocene in the mountain-taiga zone (Baikal-Patom Upland, the lower course of the Vitim River). *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu = Review of the results of field and laboratory research by archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993*. Novosibirsk. P. 187–189. (In Russ.)

Ineshin E.M., Tetenkin A.V. (2000) On the problems of geoarchaeological studies of the Baikal-Patom Upland. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. Vol. IV. P. 141–147. (In Russ.)

Ineshin E.M., Tetenkin A.V. (2010) Humans and the environment of the North of Baikalian Siberia in the Late Pleistocene. The Bol'shoi Iakor' I site. Novosibirsk: Nauka. 270 p. (In Russ.)

Medvedev G.I., Alaev S.N., Sokal'skii A.A. (1978) On the topography of the Early Paleolithic sites on the high terraces of South Cisangaria. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the People of the South of Eastern Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 4. P. 5–30. (In Russ.)

Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А. Техноморфологический анализ каменной и костяной индустрии из культуросодержащего горизонта 2 многослойного местонахождения Курла I на Северном Байкале // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этноархеология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 3–37.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: сборник научных трудов (К XIII конгрессу ИНКВА) / отв. ред.: Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. 165 с.

Тетенькин А.В. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2016. № 1. С. 265–315.

Шмыгун П.Е. Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. М.: Наука, 1981. С. 120–128.

Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С. Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале: (предварит. сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978. Вып. 4. С. 56–69.

Шмыгун П.Е., Филиппов А.К. Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1982. С. 15–24.

Bronk Ramsey C., 2021, OxCal 4.4 [Электронный ресурс]. URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk> (Дата обращения 10.12.2020)

Margold M., Jansson K.N. Glacial geomorphology and glacial lakes of central Transbaikalia, Siberia, Russia // *Journal of Maps*. 2011. Nr. 7. P. 18–30.

Margold M., Jansen K.N., Gurinov A.L., Codilean A.T., Fink D., Preusser F., Reznichenko N.V., Mifsud C. Extensive glaciation in Transbaikalia, Siberia, at the Last Glacial Maximum // *Quaternary Science Review*. 2016. No. 132. P. 161–174.

Medvedev G. Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // *Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 122–132.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtman-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Ol-

Molchanov G.N., Molchanov D.N., Lipnina E.A. (2019) Techno-morphological analysis of the stone and bone industry from the cultural level 2 of the Kurla I multilayer site in Northern Baikal. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnoarkheologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Series Geoarcheology. Ethnoarcheology. Anthropology*. Vol. 28. P. 3–37. (In Russ.)

Medvedev G.I, Savel'ev N.A., Svinin V.V. (1990) Stratigraphy, paleogeography and archaeology of the south of Middle Siberia: collection of scientific works (to the XIII Congress of IQUA). Irkutsk: Irkutsk State University. 165 p. (In Russ.)

Teten'kin A.V. (2016) Multilayered site Kovrizhka III on lower reaches of Vitim River. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya = Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. No. 1. P. 265–315. (In Russ.)

Shmygun P.E. (1981) Pre-ceramic assemblages from the Quaternary deposits of Northern Baikal. *Rel'ef i chetvertichnye otlozheniya Stanovogo nagor'ya = Relief and Quaternary deposits of the Stanovoe Upland*. Moscow: Nauka. P. 120–128. (In Russ.)

Shmygun P.E., Endrikhinskii A.S. (1978) Kurla pre-ceramic complex on the North Baikal: (preliminary report). *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the People of the South of Eastern Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 4. P. 56–69. (In Russ.)

Shmygun P.E., Filippov A.K. (1982) Lower complex of the Kurla sites. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri = Material culture of ancient population of the Eastern Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 15–24. (In Russ.)

Bronk Ramsey C., 2021, OxCal 4.4. Available at: <http://c14.arch.ox.ac.uk> (accessed December 10, 2020)

Margold M., Jansson K.N. Glacial geomorphology and glacial lakes of central Transbaikalia, Siberia, Russia // *Journal of Maps*. 2011. Nr. 7. P. 18–30.

Margold M., Jansen K.N., Gurinov A.L., Codilean A.T., Fink D., Preusser F., Reznichenko N.V., Mifsud C. Extensive glaciation in Transbaikalia, Siberia, at the Last Glacial Maximum // *Quaternary Science Review*. 2016. No. 132. P. 161–174.

Medvedev G. Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // *Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 122–132.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtman-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Ol-

sen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Pp. 725–757. DOI:10.1017/RDC.2020.41

sen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. *The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP)*. Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Pp. 725–757. DOI:10.1017/RDC.2020.41

Сведения об авторе

Тетенькин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем
жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: altet@list.ru

Information about the author

Aleksey V. Tetenkin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher,
Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of
Life of peoples of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: altet@list.ru

Заявленный вклад автора

А.В. Тетенькин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

A.V. Tetenkin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 7 августа 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки
2 сентября 2021 г.
Принята к публикации 13 сентября 2021 г.

Article info

Received August 7, 2021.
Received September 2, 2021.
Accepted September 13, 2021.